- анализ социально-экономических и иных условий, позволяющих в наибольшей мере удовлетворять художественные потребности.

В заключение следует отметить, что изучение художественных потребностей предполагает выделение несколько уровней объектов и специфичности этих потребностей. Таких, как: интерес к искусству (живописи, литературе, музыке, театру и т.д.); интерес к разнообразным художественным жанрам; интерес к авторам и произведениям искусства, демонстрирующим определенные стили, направления, творческие позиции; интерес к массовой культуре и субкультуре и др.

1. Буряк Н.Ю. Особенности // Вестник ИМСИТ. 2017. № 2 (70). С. 50-52
2. Маркс К., Энгельс Ф. Святой Макс // Полн. собр. соч. 2-е изд. М. 1955–1981. Т.3. С. 13-452.
3. Михайлов Н.Н. Разумные потребности при социализме: критерий оценки // Социальная активность: от потребности к деятельности. Челябинск. 1978. С. 98-102.
4. Культурная деятельность: опыт социологического исследования / Под ред. Л.Н. Когана. М. 1981. С. 52.
5. Каган М.С. Философия культуры. СПб. 1996. С. 143-147.
6. Петров И.Ф., Петров Л.И. Толкование потребностей в информатике и психологии // Вестник ИМСИТ. 2012. № 3-4 (51-52). С. 64-66.
7. Петров И.Ф., Петров Л.И. Потребности и потребление в современном общественном развитии // Вестник ИМСИТ. 2013. № 1-2 (53-54). С. 3-8.
8. Петров И.Ф. О социализации как ведущем факторе формирования личности. В сборнике Перспективы модернизации современной науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 49-51.
9. Петров И.Ф. Дифференцированный подход: сущность и особенности применения // Наука без границ. 2017. № 6 (11). С. 160-164.
10. Уайт Л.А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб. Унив. Книга. 1997. С. 17.
11. Kroeber A. L., Kluckhohn A. Critical Review of Concept and Definitions. Harvard Univ. 1952.

Туркина В.Г.

Три метафоры для города

*ГБОУ ВО Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-120

idsp: ljjournal-10-2019-120

Аннотация

Вопросы о городе и его содержании, предназначении остаются в дискурсе культурных исследований и историко-антропологических практик. Автор рассуждает о предмете своего научного интереса с точки зрения метафорической идентификации, рассматривая город как феномен сознания, антропологическое пространство, место памяти.

Ключевые слова: город, метафорическое сознание, образ, гений места, место памяти, культурные доминанты пространства, культурный ресурс.

Abstract

Questions about the city and its content, purpose remain in the discourse of cultural studies and historical and anthropological practices. The author discusses the subject of his scientific interest from the point of view of metaphorical identification, considering the city as a phenomenon of consciousness, anthropological space, place of memory.

Key words: city, metaphorical consciousness, image, genius of place, place of memory, cultural dominants of space, cultural resource.

Что есть город? Вопрос – на сегодняшний день из разряда обыденных. Очевидный ответ на него сводится к поселенческому, урбанизационному, социально-экономическому, географическому, ландшафтно-средовому контексту. Каждый из ответов будет, несомненно, полным и профессионально выверенным. Однако, вопросы о городе, его содержании, предназначении не менее, остаются актуальными и незавершенными. Знание о городе развивается, исходя из его невероятного многообразия, множественности практик, как самого города, так и населяющих его горожан. Кроме того, наш взгляд на город может быть подобен метафорической интерпретации, создающей антропологические и культурно-символические интенции исследования.

Первая метафора: «Город это не стены и корабли, а мужи, защищающие его»... Так утверждал Никий[13]. Это утверждение так же приписывают Периклу, который цитировал Никия. Во всяком случае, античные источники указывают имена этих, несомненно, великих и достойных горожан, мнению которых можно доверять как авторитетному. Позже Аристотель уточнит правовой статус этих мужей – граждан и жителей полисов. Намеренно уходя от рассуждений о нормах и правилах гражданства и политической принадлежности, а также особенностях проживания в полисе, мы обратим внимание на статус защитников города и государства в далекой античности. Мужами, защищающими твердыни стен и деревянные остовы кораблей (у Фукидида это звучит как «порожные корабли»), и выступавшими в таком образе коллективным гарантом свободы и независимости, являлись жители славных Афин. Все античные авторы связывали проживание в полисе с особым гражданским сообществом, проживавшим коллективную, общественную, жизнь на основе единых взглядов и общности интересов. Так было невольно положено начало рассмотрения города с точки зрения организующих его нетождественных по своему составу, назначению, мироощущению городских групп, субкультур, сообществ, которые, впоследствии объединились под лозунгом особого, городского, образа жизни [2, с.93-118]. Эта популярная идея, конечно, была иллюзией или ожиданием горожан о новых системах отношений. Б. Андерсон считает городские сообщества объединениями, основанными на единстве разделяемых взглядов и представлений [1].

Единого представления о городском образе жизни, однако, не возникло, ибо каждая городская группа демонстрировала свой уровень жизни и притязаний, культуру. Многочисленные исследования городских сообществ показывают плюрализм и множественность городских образов жизни, обусловленных состоянием культуры, традициями, интересами, потребностями, ценностями, уровнем социальных и культурных притязаний и проч. Эти же обстоятельства в значительной степени приводят к обособлению городских сообществ. Сегрегация проходит по культурным, социальным, финансовым, религиозным возрастным и гендерным критериям. Р. Парк замечает, что городское сообщество – это скорее, случайное, сложное, объединение по территориальному, географическому, социальному и культурному признакам. Разные типы и размеры городов обуславливают свои вариации сообществ с расхождением в «жизненных стандартах, манерах поведения, общих взглядах на жизнь» в зависимости от естественных и искусственных ареалов обитания этих сообществ [12, с.15].

Принадлежать городскому сообществу – означает быть горожанином. Городская идентичность, городское самосознание остаются главным критерием, отличающим горожанина от альтернативной городу культуры – аграрной, сельской (деревенской). Как резюмировала Е.Р. Метелева, «город ...– это сложная социальная смесь городских аборигенов (местных сообществ) и сообществ пришельцев, то есть тех, кто аборигенами не является, но присутствует в городском пространстве» [6].

Городская идентичность является, по сути, индикатором принадлежности к особой культуре, городской. Культурными максимами городской идентичности будут выступать рационализм, возможности самореализации, городская солидарность,

мобильность, динамика и ритм жизни, нормативность, статусность, субкультурность, индивидуальность, культура и демонстративность потребления и т.д. Примечательно, что основой всех рассуждений о городе выступают, прежде всего, горожане как участники городских сообществ. Этот социологический подход нам кажется преувеличенным.

Было бы справедливым говорить о пространстве, которое формирует представления и самосознание горожан, идентифицирует принадлежность к городским сообществам и приобщает к городской культуре. *То есть речь идет о городе как феномене сознания. Это – вторая метафора о городе.*

Город в нашем случае выступает идентитетом для горожанина и его самосознания, идентичности. Именно город, в том ключе, в каком его позиционировали Н. А. Анциферов, Ю.М. Лотман, С.М. Каган, становится носителем и хранителем смыслов и значений, феноменом сознания, способным преодолеть различия между такими разными представителями городских слоев.

Современное представление о городе скорее стоит связывать с символическим и семиотическим значением. Город – это образ, проект, представление о том, как разумнее жить, устраивать пространство, распоряжаться им и временем, которое тоже городское (вспомним городские часы на ратуше средневекового города. В аграрном сообществе они не могли появиться, что называется, «по определению»).

Представление о городе как феномене сознания также достаточно укоренилось в научном дискурсе. Этому немало способствовал сам город, который первоначально представлялся как град укрепленный, защищенный. Город семантически противостоит открытому пространству, которое в мифологиях виделось нечеловеческим пространством, понималось как пространство Хаоса, безграничной опасности и неструктурированности, Город – это Космос, метафизическая крепость и граница между Своим и Чужим.

Пространственная символика современного города приобретает большую значимость, поскольку представляет собой инструмент изучения и регулирования личностной самоидентификации: в попытке определить свое место в пространстве города, городского социума, и, шире, в стремлении обозначить собственную идентичность, люди обращаются к вещам и образам, кажущимся самоочевидными.

Город сегодня – это интерактивное и симулятивное, во многом, виртуальное, пространство, а не реальная историческая и культурная среда. Окружающие человека городские объекты становятся всё более чужеродным. Эта проблема становится наиболее остро перед человеком, находящимся внутри городского пространства, которое непрерывно генерирует и транслирует информацию, события, смыслы и т.д. Горожанин, вынужденный ежедневно «считывать» эту информацию, осваивает и интегрируется в это изменчивое пространство города, которое превращается в пространство анонимной архитектуры «стекла и бетона» и «корпоративного стиля». В этих условиях процесс естественной культурной и социальной легитимации человека как горожанина, то есть жителя города-пространства символического универсума культуры, проблематизируется, наполняется новым содержанием.

Это, в свою очередь актуализирует проблематику городских культурных пространств как идеальных мест памяти, культурных образцов, формирующих поведенческие нормы и контролирующих аномию горожан, решающих проблему экзистенциального укоренения человека в мире. Эти пространства в разное время называли по-разному: и «Genius loci», и «места памяти». *Город как место памяти – третья метафора.*

Тему Genius loci разрабатывал в свое время Кристиан Норберг-Шульц, норвежский архитектор, теоретик искусства, специалист в области организации средового пространства. Используя методологические принципы М. Хайдегера, К. Норберг-Шульц рассматривал проблему экзистенциального укоренения человека в

мире. Как отмечала И.А. Полякова, «...исходные формы бытия человека – ориентация и идентификация – обусловлены, по его словам, устойчивыми пространственными инвариантами (протоформами), существующими за внешним разнообразием форм и оказывающими непосредственное воздействие на человека. Эта реальность, с которой человек с древних времен вынужден сталкиваться и приходить к согласию в своей повседневной жизни, и есть *Genius loci*»[9]. Норберг-Шульц считал, что *Genius loci* – это живая реальность, место, пространство, имеющее «дух», характер. Дух места выражает идентичность места, а также формирует идентичность человека [8].

Дух места – это материальные и нематериальные элементы, с помощью которых определенное место люди наделяют значением, ценностью, эмоцией, как пишет И.А. Полякова [9].

Философско-художественная метафора оказалась действенным приемом, выражающим восприятие горожанином себя в реальном пространстве города.

Концепцию «мест памяти» в научный оборот первым внедрил французский историк Пьер Нора [7, с.17-50]. С этого момента понятие «места памяти» прочно обосновалось в гуманитаристике и, со временем, стало вызывать к себе все больший интерес. Места памяти – это не места в их узком географическом смысле, а те предметы, которые «окружены символической аурой», их главная цель в том, чтобы сохранять в памяти общества устойчивые представления о своей истории и самом себе. Существует два типа «мест памяти»: зарытые, сохраняющие в себе определенную интерпретацию объекта и, открытые, дающие пространство для диалога и субъективных трактовок. То есть, важной их особенностью является вариативность их воздействия. «Места памяти» могут выступать, как средство, заживляющее раны прошлого и способствующее преодолению старых конфликтов, так и стать причиной порождающей конфликты новые.

Изучением города как знакового континуума, сложной совокупности перекликающихся и взаимосвязанных символических и знаковых элементов и структур, образующих в своем динамизме когерентно действующую культурно-смысловую систему, занимались многие исследователи. Например, Кевин Линч, «отец» теории образа пространства города, обозначил особенности общечеловеческого понимания урбанизированных пространств. В своих исследованиях он изучал пространство, в котором существует человек, с точки зрения конкретного человеческого восприятия в реальных пространственно-временных границах поведения. В таком случае восприятие ориентировано на ключевые точки, пути, границы, районы. В своей работе «Образ города» К.Линч утверждает, что для понимания городского пространства, его надо рассматривать с точки зрения горожан и их восприятия города, а не как вещь-в-себе [4]. Л.Ю. Салмин дополнил структуру образного восприятия города такими элементами как точки входа-выхода, углы, перекрестки [10, с. 72-77]. Д.С. Лихачёв описал еще один элемент в восприятии городского пространства – «очертание на фоне неба»[5, с.398]. А.Э. Гутнов обозначил в качестве основных структурообразующих элементов образа города «каркас» (архитектурный остов-план) и «ткань» (архитектурная среда)[3]. Все эти исследователи достаточно полно раскрывают суть изучаемых вопросов, каждый в своей сфере и с достаточной доказательной базой, формируя представление об устойчивой знаково-образной среде города как гармоничной системе знаков и символов.

Нам же представляется правильным представлять городское пространство как систему культурных доминант – неидеальную конструкцию, порой принимающую откровенно причудливые формы. Эта конструкция существует и зависит как от внешних факторов, так и от внутренних процессов. В роли внешних факторов выступают все актуальные знания и представления горожанина о своем городе, а также взаимоотношения с ним. Все это плотно сплетено в тугий узел смыслов и образов, в экономную компактную структуру, конструкт – образ города. Никакой логики в

образном восприятии города нет. Это, скорее всего, поток ассоциаций, которые порой становятся и для самого горожанина полной неожиданностью, запечатлеваясь в художественных, выразительных средствах и обретая «вторую реальность». Примером тому служат образы Москвы, Петербурга, Парижа, Вены и пр.

Важным свойством культурной доминанты, ее несомненным признаком, можно также считать визуальную «читаемость», по выражению К. Линча, культурного локуса, претендующего на доминирование. Под читаемостью следует понимать ясность, зримость образа, легкость запоминания ключевых элементов культурного конструкта.

Отсюда вытекает еще одно свойство культурной доминанты – скрытый и явный мифологизм трактуемого образа. Исследования показывают, что процесс переживания городской среды современным горожанином во многом имманентно переживаниям человека глубокой архаики. Архетипическое освоение пространственно-временного континуума городской среды происходит в виде маркирования границ пространства (свой-чужой), осмысления степени комфорта и безопасности (родные стены, дым Отечества и т.д.), проживания и переживания сакрального времени. В этом случае житель говорит о знаковых жителях прошлого в настоящем времени, (Петр I, Екатерина II прочие памятники деятелям прошлого времени)[11]. К. Леви-Стросс называл таких людей носителями мифологичного сознания, для которых события прошлого продолжают свершаться здесь и сейчас. Причину этого следует искать в господстве образов над современными моделями обыденного поведения и рациональным знанием. Образы – архаичны по своей природе и устойчивы в своей архаичности к внешним воздействиям. Приспосабливаясь к достижениям современных цивилизаций, они также приспосабливают их своим законам, не имеющим ничего общего с логикой, рациональностью и стройностью суждений.

Под «культурной доминантой пространства города» мы предлагаем понимать точку (локус, место) в пространстве, которая бы поддерживала, формировала и притягивала к себе всю рефлексивную совокупность устойчивых представлений о городе: его географических объектах, архитектуре, элементах культурного и природного ландшафта, существующих в общественном сознании горожанина. При этом, каждая такая «культурная доминанта пространства города» является составной частью еще более сложной и объемной ментальной конструкции – «образа города», включающей в себя все визуальные, вербальные, семиотические, эстетические характеристики города, его эмоциональное воздействие, его символику.

«Культурные доминанты пространства города» представляют собой освоенное пространство города не только в том смысле, что они обжиты. Но они так же являются осмысленными частями пространства города, поэтому в данном случае «культурная доминанта пространства города» предстаёт не только, как точка, которая стягивает к себе всю систему представлений о самом городе, но и является воплощением его «духа», очерчивая собой те границы, в которых возник, и развивается город как семиотическая структура.

Город приобрел значимость для культуры, как наиболее значимый культурный ресурс, который сам себя формирует и изменяет. Как следствие, пространство города сегодня можно назвать «семиотическим котлом», в котором плавают символы и тексты, информационные языки и коды, смысловые и ментальные конструкции, формирующие особые места, наполненные важным для горожан смыслом и имеющие определенную эмоциональную окраску.

Мы лишь обозначили круг вопросов, которые возникают при осмыслении образа города, и той роли, которую играют доминанты городской среды, претендующие на то, чтобы называться культурными доминантами. Важно, что образ города отражает в сознании горожанина и фланера (гостя, туриста) все важные моменты жизненной истории как индивида, так города и страны в целом, не говоря уже о цивилизации.. Образ города влияет на конкретное поведение человека и, в силу обратной связи со

средой, меняется в ответ на любые изменения среды. Этот образ, несмотря на всю свою бесплотность и субъективность, способен аккумулировать огромную творческую энергию и, напрямую воздействуя на воображение людей, иногда очень многих, может объединять и направлять их усилия, приводя в итоге к объективным переменам в характере среды.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева./ Б. Андерсон.– М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288с.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Вирт Л.. Избранные работы по социологии. Пер. с англ. – Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В./ Л. Вирт. – М.: ИНИОН, 2005. – 244 с.
3. Гутнов А. Э. Эволюция градостроительства./ А.Э Гутнов. – М.: Стройиздат, 1984. –256 с.
4. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова./ К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
5. Лихачев Д.С. Книга беспокойств: воспоминания, статьи, беседы / Д.С. Лихачев. – М.: Новости, 1991. – 522 с.
6. Метелева Е.Р. Изучение городов в условиях глобализации: структурно-функционалистский подход./ Е.Р. Метелева. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 99 с.
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.
8. Norberg-Schulz C. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. N.-Y.,1979.P.18-20.
9. Полякова И.А. Антропология места или культурные метаморфозы genius loci./ И.А. Полякова. //Вопросы культурологии. 2011. № 10. С.46-51.
10. Салмин Л.Ю. Моделирование средовой ситуации и городской дизайн / Дисс. ... кандидата искусствоведения.// М.: ВНИИТЭ, 1988.
11. Синдаловский Н.А. Книга Перемен. Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре./ Н.А. Синдаловский. – СПб: Центрполиграф. 2009. – 352 с.
12. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок./ Р. Парк. // Социологическое обозрение.2006. № 1. Том 5. С 15.
13. Фукидид. История. VII, 77.